

Аркадий Макаров

*Коля, покажи
Ленина!*

Аркадий Макаров

Коля, покажи Ленина!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19424733

ISBN 9785448303074

Аннотация

Эти рассказы, смешные и не очень, рассказывают о живом пространстве Советской власти во всех реалистических подробностях, присущих молодому, здоровому организму.

Содержание

Белочка	5
Коля, покажи Ленина!	17
Недуг	23
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Коля, покажи Ленина!

Аркадий Макаров

© Аркадий Макаров, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Белочка

– Хороша Советская власть, но уж больно она долго тянется, – говорил мой незабвенный родитель, задумчиво помещивая в голландке железной кочерёжкой рассыпчатый жар от навозного кизяка. Кизяк наполовину с землицей. Горит лениво, но золы, горячей и тяжёлой, как песок, много. Хорошая зола. От неё до утра тёплый дух идёт. Так бы и сидел у печки, грелся. – Ты- то доживёшь еще, когда всё кончится, а я уже нет, а посмотреть охота, что из этого выйдет...

У нас на семь человек семьи, слава Богу, есть корова, и навозу за зиму накапливается много, так много, что его хватает почти на целую зиму, если топить им печь только в самые лютые морозы. А в остальные дни можно совать в печь разный «батырь», то есть всякий сорняк, кочерыжки и хворост, собранный по оврагам и берегу нашей маленькой речушки с громким названием Большой Ломовис.

Я пришёл из школы. Замерз. На улице мороз крепкий. Снег под ногами твердый, как ореховая скорлупа. Пальтишко моё, перешитое из солдатской шинели, на рыбьем меху. Холод ему нипочём. То есть – совсем нипочём. Гуляет холодина под вытертым сукном, где хочет. Пока добежишь до дома, мороз аж всего обшарит. Даже под мышки, и туда заберётся, зараза!

Сажусь на скамеечку рядом с отцом, сую почти в самый

жар руки. От скорого тепла они ломить начинают, и я корчусь от боли. Отец легонько бьёт по рукам:

– Рубаху сожжёшь!

Рукава у рубашки, действительно, уже дымиться стали. Я убираю руки и засовываю ладони промеж колен. Сижую, греюсь. На плите булькает гороховая похлёбка. Горох всегда разваривается долго. Весь нутром изойдёшь, пока обедать начнём. Так и сидим с отцом, смотрим в огонь.

У родителя один глаз выбит случайным осколком стекла ещё при коллективизации, когда в Бондарях колхозы делали. И он мальчишкой случайно затесался на собрание активистов, по которым какой-то отчаянный хозяин земли своей пальнул через двойные рамы из дробовика. Вот маленькое стёклышко и впилося любознательному подростку в зрачок, навсегда лишив его глаза.

Теперь отец сидит у печки и смотрит в огонь по-петушиному, как кочет, повернув голову. Отец тоже озяб. На плечах у него былых времён овчинный полушубок. У отца граматёнки никакой, а знает он очень много. Обычно все дела наперёд рассказывал. Вот и тогда не ошибся.

Кончилась Советская власть как-то неожиданно и разом. Народ впопыхах даже и понять ничего не успел. А кто не успел, тот опоздал. И опоздал, как оказалось, навсегда.

...Встретил своего давнишнего друга. В молодые годы вместе жили в рабочем общежитии:

– Здорово!

– Здорово!

Похлопали друг друга по плечам.

– Как живёшь? – спрашиваю.

Друг имеет университетское образование, работал на оборонном заводе военпредом. Проверял на качество гироскопы к ракетам и подлодкам. Умный друг, ничего не скажешь.

Оборонный завод растащили. От кого теперь обороняться? Все вокруг свои. Америка, как брат родной. Правда, теперь – старший брат. А на старшего брата кулаки не сучат. Где работаешь?

– В пиццерии – отвечает друг.

– Ну, и как?

– Да ничего работа. Сторожу по ночам. Ужин на халяву. Там у них много чего на кухне остаётся. Иногда и пивка потихоньку с бочки сцежу. Посплю на столе в зале, а утром – домой. А ты как?

– Ну, я в банке служу. Директором.

Друг делает округлые глаза. Вот-вот повалится набок. Я его попридерживаю. – Где же ты столько бабок нахватал? Ты ведь на стройке инженером работал. – Работа работе рознь – говорю. Теперь я тоже могу себе кое-что позволить. Запущу руку в мешок с баксами. Вытяну столько, сколько рукахватила – и домой несу. Семья рада. С другом совсем плохо стало. – Возьми к себе – говорит. – Я тебе ботинки гуталином чистить буду. – Не, взять не могу. Все штатные места на сто лет расписаны.

Друг повернулся уходить. Обида смертельная.

– Да постой ты! Давай покурим.

– Не курю! Бросил, – отрезал давний испытанный друг.

– Не злись! Я директор, да только ночной. Тоже сторожем работаю в банке. Ты вот хоть пиво задарма можешь хлебать. Сухариками солёными похрустеть, а у меня деньги за семью печатями лежат, и все чужие. В камере бронированной. Знаешь, как в басне – видит око, да зуб неймёт.

Теперь оба довольные друг другом смеёмся.

2

О том, как я работал в охранных структурах, я уже как-то писал

Одно дело сторожить мусорную свалку, \ оказывается, там тоже есть своя охрана \ и другое дело – банк, пусть даже и самый маленький. Деньги – есть деньги, и они имеют страшную притягательную силу. Особенно большие деньги. Что с этим поделаешь? Неудержимо манит дотянуться до них. Это всё равно, что стоишь на краю обрыва или высотной площадки. Заглянешь за край, и тебя так и тянет прыгнуть туда, в пустоту, в полёт. Я долго работал монтажником и такое чувство мне хорошо знакомо. Трезвый ум не пускает за край, но это не у всех получается. Иные так и не могут совладать с искушением.

Так и здесь. Банковское хранилище весьма надёжное, чтобы его вот так, в одночасье одолеть: многоканальные замки, метровый бетон и бронированные двери надёжная за-

щита от любого проникновение. Справиться может только взрывчатка. Правда, в наше время достать пару-тройку шашек тротила не проблема, да и капитализация общества распалает пагубные страсти. Кто-то послушается трезвого расчёта, а кто-то не выдержит и пойдёт напролом.

На моей памяти в банке произошёл такой случай: окровавленная женщина бросилась на руки охранявшего входную дверь милиционера и умоляла защитить её от ревнивого мужа, который с молотком в руке грозиться её убить.

– Он здесь! Он тут! – вопит женщина.

Милиционер – бывший афганец. Что ему какой-то бедолага?

– Где он? Покажи!

– Там, там! – показывает несчастная за дверь.

Милиционер туда, и сразу же получает молотком по голове.

Банк работал. Хранилище открыто. Два мешка денег и автомат ушли за считанные секунды в неизвестность. Женщина вытерла кетчуп с лица, а добросердечный милиционер ушёл на пенсию по инвалидности с черепно-мозговой травмой.

Такие вот бывают дела...

За окном моего охранного загончика глухая, глубокая ночь. Такая глубокая, что уличные фонари уже погашены, отчего ночь становилась еще более тоскливой и глухой. Во всём мире не светит ни одно окно. Только разноцветные

огни замысловатого банковского логотипа беспомощной бабочкой, обминая крылья, запутались в строительном мусоре.

Рядом с банком, возле своих денег, построил доходный дом один местный, доморощенный олигарх, вкладчик, у которого денег, как у дурака махорки.

Дом ещё не заселили, но весь первый этаж огромный, как пентагон, олигарх передал сыну под жильё и офис. Бизнес, есть бизнес, и богатенький папа для сына открыл здесь контору, что-то, вроде «рогов и копыт».

Сын на радостях прилично загулял в своих хоромах, из его окон по ночам часто слышались, иногда до утра, разухабистые, перемешанные с матом песнопения под зарубежную, несвойственную этим песнопениям, музыку. Ежедневные празднества моей тихой работе не мешали. Даже веселее было проводить бессонные ночи на страже чужих денег, и семейных, того самого олигарха.

Весёлые ночи, но сегодня что-то в окнах дома пусто и тихо, как в глазах у страждущего бомжа, которых в новое время развелось видимо-невидимо.

Сижу закутанный в ночь, как в байковое одеяло, переливая мысли из пустого в порожнее. Мысли эти стекают, стекают дождевой водицей по ржавой сулейке в дырявую бочку.

По своему опыту знаю, что у любого сторожа во время дежурства особо обостряются два чувства – это слух и чувство самосохранения.

Раньше у сторожей была хоть берданка за спиной, а теперь

сторожу иметь оружие строго запрещено. Нельзя. Запрещено. Закона такого нет – штатскому лицу с берданкой на посту стоять. Хотя у половины жителей страны любого оружия хоть вагонами увози – от автомата Калашникова до самых современных ракетных установок. Но это ладно. Это дело правоохранительных органов. Вот и я по случаю приобрёл газовый револьвер, и на свой страх и риск переделал его под боевые патроны. Теперь всегда его потаённо ношу на дежурство. А что делать? Дежурить в банке, это не навозную кучу сторожить, чтобы куры от себя не раскидали. Без оружия у сторожа одна защита – тревожная кнопка вызова милиции да собственные кулаки, на которые надеяться никак нельзя.

У милиции то горючки для машины нет, то вызовов много. А кулаки, – какая защита? Для налёта на банк требуются люди далеко не преклонного возраста. И мои два мягких, интеллигентных кулачка годны лишь для того, чтобы от страха огородить лицо, когда будут глушить железной битой.

Сижу, гоню время к рассвету. Можно конечно поспать, зная, что моё присутствие здесь, как тень на дороге для проезжающего бульдозера – не остановит. Спать можно, но как уснёшь, когда глухая ночь, а банковское хранилище вот оно, за стенкой, там денег и на грузовике не увезёшь.

Голова клонится, как перезрелый подсолнух в дождливый день, а сон нейдёт. Сижу, свет не включаю, от него толку мало, одна резь в глазах, да и с улицы я буду как в телевизоре. Зачем ночь дразнить?

Вдруг спорый, рассыпчатый стук в незарешённое окно. Прильнул к стеклу. В бликах рекламного света от логотипа перекошенное ужасом лицо удачливого сына того олигарха. В глазах страх и беспомощность.

– Вызывай быстро милицию! За углом человеку горло режут! Милицию! – кричит он.

В меня с затылка до пяток, как железный штырь вошёл. Голову не повернуть. Нажимаю тревожную кнопку. Воображение мигом рисует страшную картину изуверского убийства. Снова нажимаю красную потаённую кнопку вызова милиции.

Звонит телефон:

– Ну, что там у тебя? – В трубке сонный голос дежурного по центральному пункту службы ВОХРа.

– Убийство возле банка! Человеку голову отрезают! Срочно группу захвата!

– Уже выехали, – спокойно отвечает голос.

Впопыхах я даже не положил в гнездо телефонную трубку. Она лежит на столе и продолжает тревожно сигналить. Наконец трубка нашла своё место, гудки прекратились. Человек в окне исчез. «Может, спрятался где» – думаю я.

Проходит минут пять-семь – машины нет, лишь какая-то непонятная возня за стеной и, как мне кажется, голоса отчаянные и с угрозой.

Ничего себе – ночь!

Хватаю револьвер. Надо спасти человека. Какая на ми-

лицию надежда?!

Первым порывом было снять с блокировки дверь и выскочить на улицу, но, вспомнив тот трагический случай с милиционером, остаюсь на месте.

Милиции всё нет.

Но вот ночь располосовали огни фар. Несколько человек с автоматами выскочили из машины. Шарят вокруг фонарями. Приехала ещё одна машина с мигалкой. Несколько милиционеров оцепили зону возле банка.

Теперь я включаю свет. Из окна видно, как тот несчастный, который звал на помощь, приседая и хлопая себя по коленям, отчаянно упрашивает одного офицера вскрыть железную строительную бытовку, доказывая, что убийца там, в будке запёрся и затащил его сына туда же. Сын может теперь уже мёртвый.

Умоляет:

– Вскройте бытовку! Спасите! Они там!

Офицер ему доказывает, размахивая руками, что бытовка заперта снаружи на висячий замок. Кто их там спрятал?

Но несчастный умоляет, всё так же отчаянно приседая и хлопая себя по коленям:

– Я видел! Они там! Сделайте что-нибудь!

Офицер по рации кого-то вызывает. Вскрывать, так вскрывать!

Приезжает спецмашина МЧС. Вокруг толчея людей с оружием.

С тревожными вскриками, выматывающие душу, подъехала машина скорой помощи. Кто-то вызвал самого хозяина, того самого олигарха. Мало ли что может находиться в подведомственной ему бытовке! Его сын сейчас, заламывая руки, ходит кругами возле того места, где спрятались преступники.

Олигарх что-то говорит ему, прижимает к себе, уговаривает.

Два сотрудника МЧС, со светящимися нашивками, гидравлическими ножницами вскрывают замки. Дверь распахнута, мне это хорошо видно. Света от многочисленных фар много.

В бытовке никого нет. Нет даже инструмента, строители перебрались к другому заказчику. Одним словом – пусто! Светят фонарями по земле, ищут следы преступления. Разгребают строительный мусор...

Приезжает, но уже без гудков, ещё одна машина скорой помощи. Выходят медработники. Но теперь это уже мужики в тёмных халатах. Вдёргивают несчастного, вопящего в горе человека в белый с длинными рукавами балахон, и завязывают рукава за спиной.

Что они делают? Что делают сволочи?! Что делают? Не хотят заводить уголовное дело! Во, дожили! Теперь и середь бела дня можно любого резать!

Машины, втянув в себя автоматчиков, разворачиваясь, медленно уезжает. Остаётся одна машина ВОХРа. В ней мой

начальник, капитан службы охраны. Разгорячённый подходит к двери и говорит пароль, по которому я обязан его впустить. Я открываю все засовы. Впускаю начальника.

– Что – спрашиваю я тревожно.

– Что, что! Белочка! Горячка у того сынка. Жена забрала ребёнка и, плюнув на богатство, сбежала. Богатые тоже плачут. Давай вахтенный журнал, я тебе запишу ложный вызов.

– Как ложный вызов?

– А вот так! – говорит начальник, записывая что-то в журнале. – За вызов бригады МЧС деньги платить надо. Я что ли буду за вас ротозеев премии лишаться? Вот подпиши бумагу!

– Да ничего я подписывать не буду! Я преступление хотел предотвратить! Что же теперь на глазах человека резать будут и вас не вызывать? Я что ли милиционер или медбрат, какой, чтобы белую горячку знать. Я до этого предела не напиваюсь. Вот вы тоже что-то в строительном мусоре искали.

– Не твоего ума дело, что я там искал. Мне, может, эти доски с гвоздями для дачи нужны будут. Вот я и шарил. Так не будешь бумагу подписывать?

– Не, – мотнул я головой, – не буду!

– Ну, как знаешь. А платить тебе за прогоны машин всё равно придётся.

Я посмотрел в окно. Небо уже подёргивалось белёсой пеленой. Рассветало. Лениво, нехотя вставал новый день, не предвещающая ничего хорошего.

Сменялись эпохи, а власть оставалась та же. Вот и капитан, он ведь тоже власть, а всякая власть, как говорил мой незабвенный родитель, долго тянется...

Коля, покажи Ленина!

Жил у нас в селе Коля-дурачок. Коля родился в рубашке. Его появление на свет совпало с годиной Красного Произвола на Тамбовщине. Во всю шла коллективизация. Уже начались головокружения от успехов, а кое-где даже обмороки. В Бондарях стоял голод. Осерчавшие на власть вольные бондарские девки на скудных посиделках распевали частушки про новые порядки. С особым рвением пелась такая:

«Под телегу спать не лягу
И колхознику не дам,
У колхозного совета
И она по трудодням!»

наверное, потому, что бондарцам на трудодни ничего не причиталось.

Лампочка Ильича еще не горела, а керосин в цене стоял выше овса, поэтому в долгих осенних потемках невзначай делали детей. В гинекологическом отделении бондарской больницы только разводили руками: «Экая прорва изо всех щелей лезет!»

Санитарка тетя Маша, выгребая из палаты мерзкие человеческие остатки и всяческие лоскуты жесткой березовой метлой, наткнулась на красный шевелящийся комок,

который в страшном предсмертном позевывании уже беззвучно открывал и закрывал беззубый, по-старчески сморщенный рот. Медицинские работники, видно, не доглядели, и какая-то ловкая девка, быстро опроставшись, выскользнула за двери, оставив в розовой пелене свой грех.

Даже в нормальное время лишние рты в Бондарях особо не жаловали, а теперь и подавно. К тому же – выbleядок. Все равно его или подушкой задушили бы, или приспали. А так – вольному воля!

Добрая тетя Маша Бога боялась, а свою совесть – еще пуще, поэтому, наскоро обложив младенца ватой, кое-как запеленала в холщеную тряпицу, попавшуюся под руку, и унесла находку домой. Дома она сунула мальчика в теплую «горнушку» русской печи, где обычно сушились валенки или другая обувь. Горнушка – это квадратное углубление сбоку зева печи для разных хозяйственных предметов. Таким образом, малец и прижился на этом свете.

У тети Маши была коза, и добрая женщина, перед тем как подоить ее, подсовывала под мохнатое брюхо животного мальчика, и тот сноровисто хватал длинную, как морковь, сиську и, сладко чмокая, высасывал почти все ее содержимое. Наевшись, он отваливался от этого рога изобилия, и тут же мгновенно засыпал. Поэтому у тетки Маши особых проблем с новым жильцом не было – расти! И парень рос, и вырос.

Коля был тихий улыбчивый и счастливый, как будто только что нашел денежку. Правда, разговаривать он не разгова-

ривал, только понятливо кивал головой, кивал и улыбался.

Тетя Маша обихаживала и обстирывала его, как могла. Коля в школу не ходил и работал по дому, управляясь с нехитрыми крестьянскими делами. Управившись, спокойно посиживал на дощатой завалинке, кивая головой и улыбаясь каждому встречному. Из-за умственной отсталости в колхоз его не записывали, а тетя Маша, жалея парня, и не настаивала.

Так и жили они с огорода да с небольшой санитарской зарплаты. Все было бы хорошо, только спрямляя дорогу на Тамбов, перед тёти Машиным домом насыпали «грейдер», и дощатые «полуторки» со «Студобейкерами», крутя колесами, пылили мимо. Ошалелый Коля только крутил головой туда-сюда, туда-сюда. Шоферы, частенько беря Колю в рейс, постепенно приучили его к вину и другим не

хорошим делам. Теперь он уже не сиживал, как прежде под окнами, а ошивался возле районной чайной в ожидании веселой шоферни.

Многие помнят, что обычаи на дорогах в то время были много проще, ГАИ в районе не было, а милиция к шоферам не цеплялась, пользуясь их услугами – кому топку подвезти, кому на новостройку лесу. Потому, обедая в чайной, удаляя перед дальней дорогой, не стесняясь, пропускала через себя стаканчик-другой, оставляя щепотку и Коле. Как известно, курочка по зернышку клюет, и сыта бывает.

Коля имел совесть, и просто так руку не тянул – свое он

отрабатывал. Соберется, бывало, шоферня в чайной, шуча и подтрунивая над буфетчицей, а Коля тут как тут. Улыбается и кивает головой. Ему кричат: «Коля, покажи Ленина!» Коля, смущенно зардевшись, медленно расстегивал ширинку, доставал свой возмужавший отросток, раскапюшенивал его и показывал по кругу, – нате вам, вот он – Ленин! Все честь по чести, а Коле махонький стаканчик водки. Коля постепенно втягивал в себя содержимое, ставил стакан на стол и снова весело поглядывал на своих благодетелей, а те разойдутся, бывало, и сквозь хохот кричат: «Коля, покажи Карла Маркса!» Коля опять развязывает на штанах тесемку, расстегивает ширинку, спускает холстину и показывает Карла Маркса во всей бородатой красе. Мужики за животы хватаются, а Коле еще стаканчик. Веселая жизнь!

До Сталина, правда, дело не доходило. Стояло послевоенное лихолетье, и за такую подначку над живым вождем мирового пролетариата можно было бы поплатиться и головой, а в лучшем случае загреметь на урановые рудники в соплях и железе...

Как-то к нам в Бондари нагрянуло высокое начальство из Тамбова, то ли по подведению итогов очередной успешной битвы за урожай, то ли совсем наоборот. Мало ли каких уполномоченных было в то время!

После работы «на износ» гостей привели обедать в районную чайную. Тогда еще не догадывались ставить отдельные банкетные залы для приема пищи начальства, чтобы убогий

вид общего помещения не портил их слабые желудки.

Ну, пришли гости в чайную, оглядели помещение снаружи и внутри. Долго и одобрительно чмокали губами, рассматривая Советский Герб сделанный местным умельцем Санькой-Художником, пьяницей, но талантливым человеком. Герб был сделан из настоящих пшеничных колосьев перевитых красным кумачом, охвативших в свои крепкие объятия голубой школьный глобус. Этот рукотворный Герб стоял на специальной подставке над головой веселой, вечно поддатой буфетчицы Сони.

За гоготом и шумом, сидя спиной к дверям, очередная партия шоферов и не заметила высокое начальство, увлекшись Колиным представлением. А в это время Коля, как раз, показывал Карла Маркса лохматого и мужественного. Партийные гости, услышав имя своего пророка и застрельщика борьбы классов, антагониста, оглянувшись, увидели сгрудившихся мужиков, и тоже заинтересовались, – что там еще за Карл Маркс? Может картина, или бюст какой?

Руководящая партийная дама из комиссии с поджатыми строго губами, даже очки надела, чтобы получше разглядеть очередной экспонат коммунистического воспитания. Увидев Карла Маркса, она затопала ногами, истерически завизжала что-то нечленораздельное. Торжественный обед был сорван.

Начальник бондарской милиции, прибывший совсем недавно из очередных тысячников для укрепления поряд-

ка и дисциплины, ласково так поманил Колю за собой, и Коля, смущенно улыбаясь, завязывая на ходу шнурки на обвислых портках, пошел за ним.

После этого Колю долго не видели. Но потом он появился снова, но уже тихий и опечаленный. Коля как-то нехорошо стал подкашливать в кулак, сплевывая кровью и боязливо оглядываясь по сторонам. Показывать Карла Маркса и Ленина в своей лысой наготе Коля больше не хотел. Вскоре он тихо умер, так и не раскрыв о чем же с ним беседовал большой начальник.

Над Колиной могилой плакала только одна старая тетя Маша, припав к сухим кулачкам подбородком.

Вот и все, что осталось в моей памяти от Коли.

Недуг

1

Олега Висковского с температурой сорок и пять десятых градуса скорая помощь увезла в больницу. Предварительно сделав жаропонижающий укол. Высокая температура вот уже пятый день с постоянством маятника трепала Висковского, начиная с трёх часов дня, и отпускала только где-то к утру.

Измученный лихорадкой Олег, махнув рукой: «А, будь, что будет!» согласился на госпитализацию. Встревоженная жена, быстро собрав необходимое, поддерживая, ставшего таким непривычно слабым, мужа под руку, помогла сестре ему в машину скорой помощи, заботливо подоткнув пушистый шарф, и уселась рядом жёсткое сидение в пропахшем лекарством и бензином отсеке для больных.

Машина была новая, шофёр молодой, больной – ещё ничего себе мужик. Лет тридцать пять-сорок, не растрясётся, мотор взревел, и вот уже дверь открылась у самого приёмного покоя больницы.

Висковского Бог миловал, болезни обходили его стороной. И до этого больничный покой ему представлялся глазами здорового человека, – безнадёжный и мрачный, как предбанник потустороннего мира.

Больничные стены вызывали у него отвращение, смешан-

ное со страхом и брезгливостью, как будто здесь можно подхватить неизлечимую болезнь.

Если Олегу приходилось посещать в больнице по великой нужде родственников или друзей, то позже, он старался не вспоминать эти стиранные-перестиранные мятые больничные пижамы, угрюмые стены казённого здания и так тщательно мыл руки после этих посещений, что начинала болеть кожа на ладонях.

Жизнь, не то чтобы лёгкая, но вполне благополучная, сделала характер Висковского весёлым, общительным, лёгким в обращении. Он был, как говорят, свой малый в любой компании, любитель потрепаться и посидеть за хорошим столом. Друзья называли его любовно Аликом.

Алик особым успехом у женщин не пользовался, но и не был обойдён вниманием. Семейная жизнь Висковского не тяготила, женился он поздно, но удачно: жена попала хозяйственная и чистоплотная, и он её искренне любил. Тепло и спокойствие домашнего быта как-то сгладили и притупили его чувства, оставив весёлость нрава неприкосновенным. И вот теперь, сидя в неотложке, он страшился перемены места, боялся неизвестности.

В приёмном покое больницы, молодая девушка за маленьким окошком, точь-в-точь таким же, как в билетных кассах вокзала, делала какие-то записи в журнале. От кассира её отличали разве только белый халат и высокий, такого же цвета, головной убор, как у всех медицинских работников.

На вопросы этой регистраторши отвечала жена, пока Олег сидел, обливаясь зябким от болезненной горячки потом, и учащённо дышал, смутно понимая происходящее.

Из-за воспаления мужских желёз, что во врачебной практике случается не часто, его заболевание было отнесено к разряду урологических, и девушка-регистраторша, без лишней волокиты, выписала ему направление в соответствующие отделение.

Какая-то женщина, вероятно нянечка, сунула ему в руки стиранную до основы больничную хламиду всю в пятнах и подтёках со следами страданий и бед. Олег обречённо натянул на себя широкие длинные полосатые штаны на белых подвязках и запахнул куртку, придерживая полу рукой – пуговиц на пижаме не было.

Жена ушла. И он остался один на один с резкой грубоватой женщиной, больше похожей на мужчину, в необъятном ледяном коридоре, стены которого были выкрашены до потолка в ядовитый темно-зеленый цвет. Противное чувство тревоги и гнетущего страха охватило его.

Женщина, сказав, – «Пошли!» – направилась, не оглядываясь, в глубь этого коридора, где в тупике остановилась перед двухстворчатой железной дверью. Женщина нашла какую-то кнопку, нажала ее, и дверь сама отворилась, обнажив широкий железный ящик с узкой деревянной скамейкой. Олег присел на эту лавку, сунув по-мальчишески ладони между колен. Ящик с лязганьем и свистом пополз вниз

– К Харону поехали – попробовал пошутить больной.

– Ну-ну! Поматерись у меня! – хмуро сказала женщина, – есть ведь шибздик, а туда же...

Ящик был своеобразным лифтом, который по мере необходимости опускал больных вниз до подземных переходов в соответствующие заболеваниям корпуса. Так как переходных коридоров на этаже не было.

Лифт остановился, и двери, по-собачьи лязгнув, раздвинулись, выпустив Олега с хмурой перевозчицей в подземный коридор, где были проложены сантехнические пыльные коммуникации. Коридор освещался тусклым меркнувшим светом, покаты́й пол коридора уходил вдаль, как технологический короб в каком-нибудь фабричном корпусе. Несколько кошек прыснули прямо из-под ног, да так неожиданно, что Олег, вздрогнув, ощутил такое беспомощное чувство, что захотелось сесть прямо здесь, на пол, и заплакать горько и безутешно от жалости к себе, от неотвратимости ожидаемого.

Кошки здесь, в укромном тепле между трубами, размножались, вероятно, быстрее самих мышей, и пока Висковский с провожатой шёл по переходу, быстрые тени шарахались по сторонам, перепрыгивая через трубы с быстротой обезьян.

В конце перехода их ожидал такой же громоздкий железный ящик-лифт, который с противным скрежетом поднял Олега с женщиной в корпус урологического отделения.

Возле топчана обшитого зелёной клеёнкой, женщина ко-

ротко бросив: «Сиди здесь!» – скрылась в каком-то кабинете.

Больной сидел, горестно оглядывая длинный-длинный коридор, освещённый голубоватым светом трубчатых светильников. Стены здесь были окрашены в тёплый бежевый цвет, тщательно вымытый кафельный пол матово отражал высокий свет.

Из кабинета, куда скрылась его угрюмая перевозчица, вышел с усталым, несколько отёчным лицом и добрыми глазами доктор в халате и полосатых тоже пижамных, но довольно чистых брюках. На ногах у доктора были разношенные летние кожаные сандалии, которые теперь вряд ли кто носит.

Подойдя к ожидающему его Олегу, доктор, сам ещё человек далеко не старьй, со словами: «Пройдёмте, молодой человек!» – повёл его под руку в конец коридора, где их уже поджидала медицинская сестра.

Очутившись в большом кабинете с широким и длинным столом, над которым на высоком кронштейне была установлена огромная круглая многоглазая операционная лампа, Олег похолодел от ужаса.

Пока доктор его осматривал, медицинская сестра, молодая симпатичная женщина с тонким и чистым лицом, кожа которого просвечивала лёгким румянцем, ладила у окна безопасную бритву.

– Ложитесь! – безучастно проговорил доктор, показывая на операционный стол.

Спазма коротким и жёстким жгутом перехватила дыхание Висковского.

– Что, сразу и операция? – еле выдавил он.

– А чего тянуть! Мы это в два счёта обмозгуем. Чик-чирик – и ты в дамках! – почему-то весело проговорил доктор.

Олег, не помня себя, с дрожью в коленях, как на эшафот поднялся и лёг на ледяной стол, покрытый белой клеёнкой, спустив пижамные брюки. Ужас придавил его к этому скорбному ложу. Маленький и жалкий он лежал теперь доступный, как младенец, и нечем было защититься от надвигающей безысходности.

После некоторых манипуляций бритвой, медсестра отошла безучастно в сторону. Доктор молниеносным движением вонзил ему в пах неизвестно откуда взявшуюся длинную толстую иглу, так что больному не успел даже вскрикнуть. Медсестра подала доктору стеклянный шприц настолько большой, что он скорее напоминал велосипедный насос, чем медицинский инструмент. Вставив иглу в шприц, доктор проворно сделал какое-то вливание в паховую вену Олега, отчего боль сразу ушла, и сделалось легко-легко, как будто он вот-вот взмлет к потолку.

Ожидая чего-то более страшного, он, закрыв глаза, обречённо замер. Крепкая рука потрогала Олега за плечо:

– Э, партизан, заснул что ли? Вставай, приехали!

Олег, ещё не веря, что так легко отделался, сполз со стола, подтягивая широкие мятые больничные брюки.

– Вот что, молодой человек, после этой блокады, мы пропишем тебе пока укольчики пенициллина по четыре раза в день, норсульфазольчик в вену, и кое-какие таблетки. Подлечим, как новый будешь! Ещё не раз жениться можно. Баба есть, небось?

Висковский согласно кивнул головой, не думая над вопросом.

– Одна?

Олег снова машинально кивнул.

– Ничего, не расстраивайся. И с одной можно, если нужно...

Больной опять согласительно закивал, как школьник перед добросовестным учителем.

– Ты только против ветра струю не пускай, а то снова корень застудишь. Иди к сестре на пост, она тебя в палату поместит, – Доктор легонько вытолкнул согласного пациента за дверь кабинета.

Немного повеселев, Олег подошёл к столу, за которым сидели две, совсем ещё юные девочки и что-то весело щебетали. Олег молчаливо присел рядом.

Девочки уставились на него вопросительно.

– Больной, здесь сидеть нельзя! – сказали обе сразу в один голос.

– Да мне не сидеть, мне лежать надо, – он назвал свою фамилию.

Одна из девушек посмотрела в бумаги, лежащие на столе,

и показала номер его палаты.

Висковский, шлёпая по кафелю огромными жестяными больничными тапочками, одетыми на босу ногу, потащился в свою палату под номером восемь. Его снова стал скручивать озноб, и заломило голову.

Дойдя до палаты, он упал на свободную жёсткую железную койку, вместо пружин у которой, видимо, были натянуты стальные тросы.

Кое-как замотавшись в простынь, Олег впал в полусон-полузабытьё.

Жёлтая волна поднялась со всех сторон, и, швыряя на отмелях, понесла и закружила его по течению. Он то и дело уходил с головой в эту жёлтую воду, задыхался, барахтался в ней, выныривал и снова уходил на дно.

Дыша тяжело и часто, он очнулся от незнакомых голосов. Кто-то называл его по фамилии. Не удивившись, что его фамилия кому-то знакома, Висковский открыв глаза, увидел возле своей койки невысокого худого человека в широком байковом халате сине-серого цвета с тесёмочной опояской. Человек был того неопределённого возраста, когда можно было дать с одинаковым успехом и шестьдесят и восемьдесят лет.

– Висковский, вставай ужинать, а то каша стынет! – то ли проговорил, то ли пропел человек, весело и добро улыбаясь. Олег помотал отрицательно головой. Представление о пище вызвало у него противное головокружение.

– Ну, так – тогда так... я тебе черпачок-другой сюда принесу, больно сегодня каша хороша из гречки. Это тебе не «кирза» какая-нибудь ячневая говоруха.

Висковскому стало тягостно и неудобно принимать услуги пожилого человека, видно ему на самом деле – крышка.

– Спасибо, товарищ, на кашу аппетита нет! – попробовал он неловко отшутиться. При одной мысли о еде, принесённой из больничной столовой, его стало подташнивать. Висковский вспомнил свою армейскую службу, запах казармы и эту надоевшую синюшную кашу, замешанную на воде и сваренную кое-как. Почему-то ему стало жалко себя и неудобно в этих стенах скорби. Отвернувшись к стене, Олег тихо заплакал. Болезненная лихорадка снова поволокла его по жёлтой и мутной воде без берегов.

Приход врача Висковский ощутил по холодной руке положенной на его голову.

– Да, партизан, здесь без укола не обойтись – врач что-то быстро сказал медсестре, которая шустро записывала все его рекомендации.

После обхода врача, минут через пятнадцать-двадцать, в палату пришла та же медсестра, которая была и на обходе, с блестящей, из нержавеющей стали, коробочкой в которой что-то позвякивало. Приказав Олегу лечь на живот и спустить брюки, она резким шлепком ладони быстро сделала инъекцию. Укол был настолько ловким, что Висковский ещё продолжал лежать со спущенными брюками в ожидании бес-

пощадной иглы.

Медсестра, погремев коробкой, ушла, и Олег снова впал в беспамятство.

2

Утро стояло серое и рыхлое, как створоженное снятое молоко. Сквозь стёкла подёрнутые морозом сжеживался бледно-голубоватый свет. Было сыро и зябко. Мокрая пижама, так и не просохшая за целую ночь, противно прилипала к телу. Вчерашнего болезненного жара не было. Казалось всё тепло его тела ушло вместе с этой влагой, которая пропитала не только пижаму, но и скомканную простынь. В ушах, – как заложило.

Громко переговаривался в коридоре обслуживающий персонал, то ли сдавая дежурство, то ли принимая его. Казённое здание оживало после тяжёлого сна. Вошедшая медсестра включила свет, раздала градусники и тут же вышла.

Холодный термометр, словно ледяная сосулька, медленно таял под мышкой Висковского. Во всём теле была такая слабость, что не хотелось двигать рукой, не хотелось даже переворачиваться на другой бок, и Олег безучастно лежал на спине уставясь наболевшими от внутреннего жара глазами в плохо побеленный потолок палаты.

– Ты что, спишь, что ли с открытыми глазами? – возвратила его к действительности медсестра, которая собирала градусники.

На термометре Висковского ртутный столбик остановил-

ся на градуировке 35,9, что привело Олега в относительное спокойствие, хотя и этот показатель не укладывался в норму здорового человека.

Медицинская сестра собрала градусники, и назвала фамилии тех, кому следовало идти на процедуры. Фамилия Висковского прозвучала здесь как-то неуместно, не на каждый день такие фамилии.

Подумалось: «А при чём здесь я?.. Ах, да – я же больной!»

У дверей процедурной, переступая с ноги на ногу, весело скалясь, дожидался своей очереди молодой, раскрепощённого вида, парень. Олег для надёжности прислонился к стене за парнем, ноги его плохо держали. Казалось, жар спалил все его силы. Парень, коротко хохотнув, сказал, что они с ним свояки – болезни у них одинаковые, и лежат они в палате голова к голове, как кровные братья.

– Где зацепил-то?

Висковский неопределённо пожал плечами, удивившись про себя, почему этот «хохотунчик», как мысленно он его назвал, знает о его болезни? Но при посещении процедурного кабинета всё стало понятно: молодые, здоровенькие медсёстры запросто перекидывались с Хохотунчиком, балансирующими на грани приличия, шуточками. Раскрасневшись, девицы, легкомысленно хихикали и поигрывали глазами.

То ли с тяжёлой руки развесёлой бабёнки-медсестры, то ли пенициллин здесь был особого свойства, но после укола, Олег медленно поплёлся в палату, подволакивая одну но-

гу.

Пока он тащился до своего места, Хохотунчик уже лежал в своей кровати и что-то травил соседям по палате: «... праздник как раз был, Седьмое Ноября. Ну, я, как обычно, встал часов, где-то, возле семи. Побрился, как полагается, марафон навёл, – демонстрацию надо было делать. Машину мою под броневичок законопатили, вместо пушек черенки от лопат приделали. То-сё, покрасили зелёной краской, ну, прямо, как настоящий, хоть в кино показывай. Вот, значит, этот броневичок мне надо было впереди колонны вести, мимо нашего городского начальства. Ну, а праздник, – есть праздник, – тут Хохотунчик торжественно выпрямился, окинул ликующим взглядом слушателей, вставил в рот указательный палец, и, оттянув им щёку, издал хлопающий звук откупориваемой бутылки, настолько натуральный, что Висковский даже вздрогнул. – Я наливаю себе стаканчик пшеничной – продолжал Хохотунчик. – хлопнул. Ну, думаю, добавлять не буду, на демонстрацию надо трезвым идти, потому что мне народ доверие оказал. Мне броневичок вести... И только потянулся я к закуске – стук в дверь, да частый такой, как в барабан. Открываю. Гляжу – баба стоит. От злости аж трясётся вся: „Иди – говорит, – твоя профура, – это она о моей жене, с моим мужиком групповой секс устроили“» – и адрес называет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.